Жан АНУЙ

Пьесы

Антигона
Жан Ануй

Аннотация
Жан Ануй. Антигона
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Аннотация

Жан Ануй (1910 — 1987). Известный французский драматург. Комедии Ж. Ануя — трагикомедии, фарсы и водевили составили несколько циклов, каждый из которых, отличаясь тематическим и стилевым единством, во многом близок литературе экзистенционализма — проблемесуществования человека в абсурдном мире. Особое внимание в своих поздних произведениях Ж. Ануй уделяет извечному конфликту поколений, бессмысленности и бесперспективности политической борьбы, гнетущей повторяемости исторических ошибок и преступлений.

Жан Ануй
Антигона

(сценическая редакция В. Агеева)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антигона
Креон
Гемон
Исмена
Эвридика
Кормилица
Стражники
Хор

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса все ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА на сцене.

Они разговаривают, вяжут, играют в карты.

От них отделяется ХОР и выходит вперед.

ХОР. Я мог бы жить и по ту сторону перегородки, разделяющей положительное и отрицательное. В общем-то, мне кажется, что я поднялся над такими разделениями и создаю некую гармонию двух этих начал, выраженную пластически, но не в категориях этики. Говоря по существу, мы, конечно, еще не начинали жить. Мы уже не животные, но, несомненно, еще не люди. С той поры, как возникло искусство, об этом твердил нам каждый великий художник.

Ну что ж, начнем, Эти персонажи сейчас сыграют перед вами трагедию об Антигоне. Антигона — маленькая худышка, что сидит вон там, уставившись в одну точку и молчит. Она думает. Она думает, что вот сейчас станет Антигоной, что из худой, смуглой и замкнутой девушки, которую никто в семье не принимал всерьез, внезапно превратится в героиню и выступит одна против

целого мира, против царя Креона, своего дяди. Они думает, что умрет, хотя молода и очень хотела бы жить. Но ничего не поделаешь: ее зовут Антигоной, и ей придется сыграть свою роль до конца… С той минуты, как поднялся занавес, она чувствует, что с головокружительной быстротой удаляется от сестры Исмены, которая смеется и болтает с молодым человеком; от всех нас, спокойно глядящих на нее, — мы ведь не умрем сегодня вечером.

Юноша, беседующий с белокурой счастливой красавицей Исменой, — Гемон, сын Креона. Он жених Антигоны. Все влекло его к Исмене: любовь к танцам и играм, желание счастья и удачи и чувственность тоже, ведь Исмена гораздо красивее Антигоны. Но однажды вечером на балу, где он танцевал только с Исменой, которая была ослепительна в своем новом платье, он отыскал Антигону, мечтавшую, сидя в уголке, — в той же позе, что и сейчас, обхватив руками колени, — и попросил ее стать его женой. Почему? Этого никто никогда не мог понять. Антигону это удивило, она подняла на него свои серьезные глаза и, грустно улыбнувшись, дала свое согласие… Оркестр начинал новый танец. Там, в кругу других юношей, громко смеялась Исмена. А он, он теперь должен

был стать мужем Антигоны. Он не знал, что на свете никогда не будет мужа Антигоны и что этот высокий титул давал ему лишь право на смерть.

Крепкий седой мужчина, о чем-то размышляющий, рядом с которым стоит юный прислужник, — это Креон. Он царь. Лицо его в морщинах, он утомлен; ему выпала нелегкая роль — управлять людьми. Раньше, во времена Эдипа, когда он был всего лишь первым вельможей при дворе, он любил музыку, красивые переплеты, любил бродить по антикварным лавочкам в Фивах. Но Эдип и его сыновья умерли. Креон бросил свои книги и безделушки, засучил рукава и стал на их место.

Иной раз вечером он чувствует усталость и спрашивает себя, не бесполезное ли это занятие — управлять людьми? Не лучше ли поручить эту грязную другим, тем, которые не привыкли много раздумывать… Но утром перед ним снова возникают вопросы, которые требуют срочного решения, и он встает, спокойный, как рабочий на пороге трудового дня.

Пожилая женщина, что стоит рядом с кормилицей, воспитавшей обеих сестер, и вяжет, — это Эвридика, жена Креона. Она будет вязать на протяжении всей трагедии, пока не наступит ее черед идти умирать. Она добрая, любящая, полна

достоинства, но не может быть мужу подмогой.

Наконец, трое мужчин, играющих в карты, сдвинув шапки на затылок, — это стражники. Они, в сущности, неплохие парни; у каждого из них, как у всех людей, есть жена, дети, мелкие заботы, но уже будьте спокойны, они в любую минуту схватят обвиняемых. Но сейчас они служат Креону — до тех пор, пока новый владыка Фив, должным образом облеченный властью, в свою очередь не прикажет арестовать его.

А теперь, когда вы познакомились со всеми героями, мы приступим к трагедии. Она начинается с момента, когда сыновья Эдипа, Этеокл и Полиник, которые должны были поочередно, в течение года каждый, править Фивами, вступили в борьбу и убили друг друга под стенами города. Этеокл, старший, по окончании срока своего правления отказался уступить место брату. Семь чужеземных царей, которых Полиник перетянул на свою сторону, были разбиты перед семью вратами Фив. Теперь город спасен, враждовавшие братья погибли, и Креон, новый царь, повелел старшего брата, Этеокла, похоронить торжественно, с почестями, а тело Полиника, это бунтовщика, бродяги, бездельника, не оплаканное и не похороненное, оставить на растерзание

воронам и шакалам. Всякий, кто осмелится предать его земле, будет безжалостно осужден на смерть.

Пока ХОР говорит, ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА одно за другим покидают сцену. ХОР тоже скрывается. Освещение на сцене меняется. Мертвенно-бледный рассвет проникает в спящий дом.

АНТИГОНА приоткрывает дверь и выходит на цыпочках, босиком, держа сандалии в руках. На мгновение она останавливается, прислушивается.

Появляется КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА. Откуда ты?

АНТИГОНА. С прогулки, няня. До чего же было красиво! Сначала все кругом серое… Но сейчас — ты представить себе не можешь — все стало розовым, желтым, зеленым, словно на цветной открытке. Нужно вставать пораньше, няня, если хочешь увидеть мир без красок. *(Собирается уйти.)*

КОРМИЛИЦА. Я встала, когда было еще совсем темно, пошла в твою комнату посмотреть, не сбросила ли ты во сне одеяло, глядь — а постель пуста!

АНТИГОНА. Сад еще спал. Я застала его врас-

плох, няня. Он и не подозревал, что я любуюсь им. Как красив сад, когда он еще не думает о людях!

КОРМИЛИЦА. Ты ушла. Я побежала к дверям: ты оставила их полуоткрытыми.

АНТИГОНА. Поля были мокрые от росы и чего-то ожидали. Все кругом чего-то ожидало. Я шла одна по дороге, звук моих шагов гулко отдавался в тишине, и мне было неловко — ведь я прекрасно знала, что ждут не меня. Тогда я сняла сандалии и осторожно проскользнула в поле, так что оно мне не заметило.

КОРМИЛИЦА. Придется тебе вымыть ноги, прежде чем ты ляжешь в постель.

АНТИГОНА. Я больше не лягу.

КОРМИЛИЦА. Но ты ведь поднялась в четыре часа! Даже четырех не было!

АНТИГОНА. Если каждое утро вставать так рано, наверно, всегда будет так же приятно выйти первой в поле. Правда, няня?

КОРМИЛИЦА. Утро? Была еще ночь! Ты думаешь, обманщица, так я тебе и поверю, что ты ходила на прогулку! Отвечай, где ты была?

АНТИГОНА *(со странной улыбкой).* Да, правда, была еще ночь. Только одна я в полях и думала, что уже утро. Это чудесно, няня! Сегодня я первая увидела, как настал день.

КОРМИЛИЦА. Ты была на свидании.

АНТИГОНА *(тихо).* Да, я была на свидании.

КОРМИЛИЦА. У тебя есть возлюбленный!

АНТИГОНА *(странным тоном, после паузы).* Да, няня, у меня есть возлюбленный. Бедняга!

КОРМИЛИЦА. Боже милосердный! Я думала, что ты вырастешь честной девушкой! Но это даром тебе не пройдет, моя милая! Твой дядя, твой дядя Креон все узнает, будь уверена!

АНТИГОНА *(устало).* Да, няня, узнает. Оставь меня в покое.

КОРМИЛИЦА. А Гемон, твой жених? Ты же обручена с ним! Хороша невеста вскакивает в четыре утра и бежит на свидание к другому! Знаешь, что я должна была бы сделать?

АНТИГОНА. Не кричи так, нянечка. Не сердись на меня сегодня.

КОРМИЛИЦА. Не кричи? Так мне вдобавок и кричать нельзя? Вот как! А обещание, которое я давала твоей матери! Знаешь, что она сказала бы, будь она здесь? «Старая дура — да, старая дура, — ты не сумела сохранить мою девочку чистой. И кричала ты на них, и ворчала словно сторожевой пес, и кутала их, чтобы не простудились, и гоголь-моголем пичкала, чтобы были здоровыми; но в четыре часа утра ты, спишь, спишь как су-

рок, хоть не имеешь права глаз сомкнуть, и они преспокойно удирают, ты приходишь к ним в комнату, а постель давно уже остыла...». Вот что скажет твоя мать, когда я увижу ее на том свете, и мне станет стыдно. Я только опущу голову и скажу: «Да, все это правда, госпожа Иокаста!»

АНТИГОНА. Няня! Ты сможешь смело глядеть в глаза моей матери, когда увидишь ее. И она скажет: «Здравствуй, няня, спасибо тебе за маленькую Антигону. Ты хорошо заботилась о ней». Мама знает, почему я уходила сегодня утром.

КОРМИЛИЦА. Так у тебя нет возлюбленного?

АНТИГОНА. Нет, нянечка.

КОРМИЛИЦА. Ты что, смеешься надо мной? А если бы ты меня любила, ты сказала бы мне правду. Почему твоя постель была пуста, когда я пришла подоткнуть одеяло?

АНТИГОНА. Нянечка, пожалуйста, перестань. Все это глупости. Я чиста, у меня нет другого возлюбленного, кроме Гемона, моего жениха, клянусь тебе. Я даже могу поклясться, если хочешь, что у меня никогда не будет другого возлюбленного.

Входит ИСМЕНА.

ИСМЕНА. Ты уже встала? Я заходила в твою

комнату.

АНТИГОНА. Да, я уже встала.

ИСМЕНА. Ты больна?

АНТИГОНА. Нет, просто немного устала. *(Улыбается.)* Это потому, что я рано поднялась.

ИСМЕНА. Я тоже не спала.

АНТИГОНА *(снова улыбается).* Тебе надо выспаться, а то завтра ты будешь не такой красивой.

ИСМЕНА. Не смейся надо мной!

АНТИГОНА. Я не смеюсь. Сегодня твоя красота придает мне сил. Помнишь, какой несчастной я чувствовала себя в детстве? Я старалась измазать тебя грязью, засовывала тебе за шиворот гусениц. Однажды я привязала тебя к дереву и отрезала тебе волосы, твои прекрасные волосы… *(Гладит ее по волосам.)* Разве станешь думать о всякой ерунде, когда у тебя такие прекрасные, мягкие волосы, так аккуратно причесанные!

ИСМЕНА *(внезапно).* Почему ты говоришь о пустяках?

АНТИГОНА *(тихо, продолжая гладить ее по волосам).* Я не говорю о пустяках…

ИСМЕНА. Знаешь, Антигона, я все обдумала.

АНТИГОНА. Да.

ИСМЕНА. Я думала всю ночь. Ты сошла с ума!

АНТИГОНА. Да.

ИСМЕНА. Мы не можем.

АНТИГОНА *(после паузы, тихим голосом).* Почему?

ИСМЕНА. Он велит нас казнить.

АНТИГОНА. Конечно. Каждому свое. Он должен осудить нас на смерть, а мы — похоронить брата. Так уж все распределено. Что ж тут можно поделать?

ИСМЕНА. Я не хочу умирать.

АНТИГОНА *(тихо).* И я тоже не хотела бы умирать.

ИСМЕНА. Слушай, я думала всю ночь. Я старше тебя и всегда поступаю разумнее. А вот ты вечно делаешь, что тебе в голову взбредет, даже если это страшная глупость. Я более уравновешенная. Всегда все обдумываю.

АНТИГОНА. Иногда не надо слишком много думать.

ИСМЕНА. Надо, Антигона. Разумеется, все это ужасно, мне тоже жалко брата, но я отчасти понимаю и дядю.

АНТИГОНА. А я не хочу понимать отчасти!

ИСМЕНА. Он царь, он обязан подавать пример.

АНТИГОНА. Но я не царь, я не обязана подавать пример…

ИСМЕНА. Выслушай хотя бы меня! Я чаще, чем ты, бываю права.

АНТИГОНА. А я не хочу быть правой.

ИСМЕНА. Попробуй, хоть понять!

АНТИГОНА. Понять… Я только это и слышу от вас с тех пор, как себя помню. Нужно было понять, что нельзя прикасаться к воде, прекрасной, холодной воде, потому что она может пролиться на пол, что нельзя прикасаться к земле, потому что она может выпачкать платье… Нужно было понять, что нельзя съедать все сразу, нельзя отдавать нищему, которого встретишь на дороге, все, что у тебя в карманах; нельзя бежать, бежать наперегонки с ветром, пока не упадешь. И пить, когда жарко, и купаться рано утром или поздно вечером, как раз тогда, когда хочется! Понимать. Всегда понимать! Я не хочу понимать.

ИСМЕНА. Он сильнее нас, Антигона. Он — царь. Все в городе думают так же, как он. Их тысячи, много тысяч, они кишат на улицах Фив.

АНТИГОНА. Я не слушаю тебя.

ИСМЕНА. Они будут орать. Нас схватят тысячи рук, тысячеликая толпа будет сверлить нас взглядом. Нам будут плевать в лицо. И когда нас повезут в повозке к месту казни, их ненависть, их смрад, их насмешки всю дорогу будут сопровож-

дать нас. А на площади стеной станут стражники, с тупыми багровыми лицами, в жестких воротничках, с грубыми, чисто вымытыми руками и бычьим взглядом. И ничто не поможет — ни крики, ни мольбы: они будут выполнять все, что прикажут, как рабы, не задумываясь, хорошо это или плохо… А страдания? Ведь нам придется страдать, испытывать боль, и она будет все сильней и сильней и станет совсем нестерпимой; нам покажется, что она дошла до предела, но она будет все усиливаться… Как пронзительный крик, который становится все резче… О, я не могу, не могу!

АНТИГОНА. Как ты хорошо все обдумала!

ИСМЕНА. Я думала всю ночь. А ты?

АНТИГОНА. Я тоже можешь не сомневаться.

ИСМЕНА. Ты знаешь, я не храброго десятка.

АНТИГОНА *(тихо).* Я тоже. Что ж из того?

Пауза.

ИСМЕНА *(неожиданно).* Разве тебе не хочется жить? *(Порывисто бросается к Антигоне).* Антигона!

АНТИГОНА *(выпрямившись, громко).* Нет, оставь меня! Теперь не время обнявшись хныкать. Ты говоришь, что все обдумала? По-твоему, можно отступить только потому, что весь город

ополчится против тебя, что тебя ждут страдания и ты боишься смерти?

ИСМЕНА *(опускает голову).* Да.

АНТИГОНА. Ну что ж, воспользуйся этим предлогом.

ИСМЕНА *(бросаясь к ней).* Антигона, умоляю тебя! Пусть мужчины верят в высокие идеалы и умирают за них. Но ты же девушка!

АНТИГОНА *(сквозь зубы).* Да, девушка.

ИСМЕНА. Счастье так близко! Тебе нужно только протянуть руку, и оно твое. Ты помолвлена, ты молода, ты красива…

АНТИГОНА *(глухо).* Нет, я не красива.

ИСМЕНА. Ты красива не так, как мы, — иначе. И ты отлично знаешь, что именно на тебя оборачиваются, замолкают и глядят на тебя во все глаза, пока ты не завернешь за угол. *(Помолчав).* А Гемон?

АНТИГОНА *(сдержанно).* Сейчас я поговорю с Гемоном, и с Гемоном все будет кончено.

ИСМЕНА. Ты сошла с ума!

АНТИГОНА *(улыбаясь).* Пойди приляг, Исмена… Видишь, уже светло, и теперь я все равно ничего не могла бы сделать. Тело брата тесным кольцом окружили стражники. Они охраняют его, как будто ему и вправду удалось стать царем. Иди

приляг, ты побледнела от усталости.

ИСМЕНА. А ты?

АНТИГОНА. Мне не хочется спать… Но обещаю тебе, что никуда не пойду, пока ты не проснешься. Иди поспи еще. Солнце только взошло. У тебя глаза слипаются. Пойди же…

ИСМЕНА. Я ведь смогу тебя убедить, правда? Смогу тебя убедить? Ты выслушаешь меня еще раз?

АНТИГОНА *(устало).* А теперь, прошу тебя, иди поспи. А то завтра ты будешь не такой красивой. Да, я выслушаю тебя. Я всех вас выслушаю. *(С грустной улыбкой провожает взглядом уходящую Исмену, потом устало садится.)* Бедная Исмена!

АНТИГОНА. Няня! Няня!

КОРМИЛИЦА. Что у тебя болит?

АНТИГОНА. Ничего, нянечка. Но все равно укутай меня получше, как бывало, когда я болела… Ах, нянечка, ты прогоняла лихорадку, прогоняла кошмары, тени. Ты прогоняла ночь с ее безмолвным диким воем… Ты, нянечка, прогоняла и саму смерть. Дай мне руку, как бывало, когда ты сидела у моей постели.

КОРМИЛИЦА. Да что с тобой?

АНТИГОНА. Ничего, нянечка. Просто я еще

мала для всего этого… Но никто, кроме тебя, не должен об этом знать.

КОРМИЛИЦА. Для чего мала?

АНТИГОНА. Ни для чего, нянечка. Главное, ты со мной. Я держу твою добрую руку. Может быть, она еще раз спасет меня? Ведь ты, нянечка, всемогуща.

КОРМИЛИЦА. Что ж я могу для тебя сделать?

АНТИГОНА. Ничего, нянечка. Только приложи руку к моей щеке, вот так *(На минуту замирает, закрыв глаза).* Ну вот, я больше не боюсь. *(Помолчав, другим тоном.)* Слушай, нянечка! Мою собаку, Милку…

КОРМИЛИЦА. Ну?

АНТИГОНА. Обещай, что никогда больше не будешь бранить ее.

КОРМИЛИЦА. Да ведь она все пачкает своими грязными лапами! Ее и в дом-то нельзя пускать.

АНТИГОНА. Не брани ее, даже если она все пачкает. Обещай мне это, нянечка!

КОРМИЛИЦА. Что ж, по-твоему, она тут все перепортит, а я ей слова не скажи?

АНТИГОНА. Да, нянечка.

КОРМИЛИЦА. Ну, это уж слишком!

АНТИГОНА. Пожалуйста, нянечка! Ты же любишь Милку, мою добрую головастую Милку. И, в

конце концов, ты ведь обожаешь уборку. Ты была бы просто несчастной, не будь грязи… Ну прошу тебя, не брани мою Милку!

КОРМИЛИЦА. А если она испортит ковры?

АНТИГОНА. Все равно, обещай, что ты не будешь бранить ее. Я тебя очень-очень прошу, нянечка!

КОРМИЛИЦА. Знаешь ведь, что не могу тебе отказать, когда ты ласкаешься ко мне… Ну ладно, ладно. Я буду убирать за ней и ни разу не заворчу. Ты совсем мне голову заморочила!

АНТИГОНА. И еще обещай мне, что будешь с ней все время разговаривать.

КОРМИЛИЦА. Да где это видано?! Говорить с собакой!

АНТИГОНА. В том-то и дело, не говори с ней как с собакой. Говори, как с человеком, ты же слыхала, как я с ней разговариваю…

КОРМИЛИЦА. Ну нет! Хоть я из ума еще не выжила! Да зачем это тебе, чтобы все в доме разговаривали с собакой, как ты?

АНТИГОНА *(тихо).* А если я вдруг не смогу с ней больше разговаривать?

КОРМИЛИЦА *(не понимая).* Не сможешь с ней разговаривать? Почему?

АНТИГОНА *(отворачивается; потом твердо).*

А потом, если она будет слишком тосковать, все время ждать меня, смотреть на дверь, как будто я только что вышла, тогда убей ее, няня. Только чтобы ей не было больно.

КОРМИЛИЦА. Убить твою собаку? Да ты, никак, нынче сошла с ума?

АНТИГОНА. Нет, няня.

КОРМИЛИЦА. Гемон.

Входит ГЕМОН.

АНТИГОНА. Оставь нас, нянечка, и не забудь, что ты мне обещала.

КОРМИЛИЦА уходит.

АНТИГОНА *(подбегает к Гемону).* Прости, Гемон, что я ссорилась с тобой вчера вечером, прости за все! Это я была неправа. Пожалуйста, прости меня!

ГЕМОН. Ты прекрасно знаешь, что я простил тебя, едва за тобой захлопнулась дверь. Еще не исчез запах духов, которыми ты надушилась, а я уже простил тебя. *(Обнимает ее, смотрит на нее, улыбается).* У кого ты стащила духи?

АНТИГОНА. У Исмены.

ГЕМОН. А губную помаду, а пудру, а красивое платье?

АНТИГОНА. Тоже у нее.

ГЕМОН. Для кого же ты так принарядилась?

АНТИГОНА. Я скажу тебе. Потом. *(Крепче прижимается к нему.)* О милый мой какой я была глупой! Вечер пропал… Такой прекрасный вечер!

ГЕМОН. Ничего, у нас будет еще немало вечеров, Антигона.

АНТИГОНА. А может быть, и не будет.

ГЕМОН. И немало размолвок. Счастья без размолвок не бывает.

АНТИГОНА. Счастья, да… Слушай, Гемон!

ГЕМОН. Я слушаю.

АНТИГОНА. Не смейся. Будь сегодня серьезным.

ГЕМОН. Я серьезен.

АНТИГОНА. И обними меня. Обними так крепко, как никогда еще не обнимал. Чтоб вся твоя сила перелилась в меня.

ГЕМОН. Вот! Изо всех своих сил!

АНТИГОНА *(вздохнув).* Как хорошо.

Некоторое время они стоят молча обнявшись.

(Потом тихо.) Послушай, Гемон!

ГЕМОН. Да.

АНТИГОНА. Я хотела сказать тебе сегодня

утром… Мальчик, который родился бы у нас с тобой…

ГЕМОН. Да.

АНТИГОНА. Знаешь, я сумела бы защитить его от всего на свете.

ГЕМОН. Да, Антигона.

АНТИГОНА. О, я так крепко обнимала бы его, что ему никогда не было бы страшно, клянусь тебе! Он не боялся бы ни наступающего вечера, ни палящих лучей полуденного солнца, ни теней… Наш мальчик, Гемон! Мать у него была бы такая маленькая, плохо причесанная, но самая надежная, самая настоящая из всех матерей на свете, даже тех, у кого пышная грудь и большие передники. Ты веришь в это, правда?

ГЕМОН. Да, любовь моя.

АНТИГОНА. И ты веришь, что у тебя была бы настоящая жена?

ГЕМОН *(обнимает ее).* У меня настоящая жена.

АНТИГОНА *(внезапно вскрикивает, прильнув к нему).* Так ты любил меня, Гемон? Ты любил меня в тот вечер? Ты уверен в этом?

ГЕМОН *(тихонько укачивая ее).* В какой вечер?

АНТИГОНА. Уверен ли ты, что тогда, на балу, когда отыскал меня в углу, ты не ошибся, тебе нужна была именно такая девушка? Уверен ли

ты, что ни разу с тех пор не пожалел о своем выборе? Ни разу даже втайне не подумал, что лучше был бы сделать предложение Исмене?

ГЕМОН. Дурочка!

АНТИГОНА. Ты меня любишь, правда? Любишь как женщину? Твои руки, сжимающие меня, не лгут? Твои большие руки, которые обхватили меня? Меня не обманывают запах и тепло твоего тела и беспредельное доверие, которое я испытываю, когда склоняю голову к тебе на плечо?

ГЕМОН. Да, я люблю тебя как женщину, Антигона.

АНТИГОНА. Но ведь я худа, а Исмена — точно золотисто-розовый плод.

ГЕМОН *(шепчет).* Антигона…

АНТИГОНА. О, я сгораю от стыда. Но сегодня мне нужно знать. Скажи правду, прошу тебя! Когда ты думаешь о том, что я стану твоей, чувствуешь ли ты, что у тебя внутри будто пропасть разверзается, будто что-то в тебе умирает?

ГЕМОН. Да, Антигона.

АНТИГОНА *(вздохнув после паузы).* И я тоже чувствую это. Я хотела сказать тебе, что была бы горда стать твоей женой, настоящей женой, на которую всегда можно опереться не задумываясь, как на ручку кресла, где отдыхаешь по вечерам,

как на вещь, целиком принадлежащую тебе. *(Высвобождается из его объятий и продолжает другим тоном.)* Ну вот. А теперь я хочу сказать тебе еще кое-что. И когда я все скажу, ты немедленно уйдешь, ни о чем не расспрашивая. Даже если мои слова покажутся тебе странными, даже если они причинят тебе боль. Поклянись мне!

ГЕМОН. Что еще ты хочешь мне сказать?

АНТИГОНА. Сперва поклянись, что уйдешь молча, даже не взглянув на меня. Если ты меня любишь — поклянись мне, Гемон! *(Смотрит на него, лицо у нее потерянное, несчастное.)* Ну поклянись мне, пожалуйста, я очень прошу тебя, Гемон… Это мое последнее сумасбродство, и ты должен мне его простить.

ГЕМОН *(после паузы).* Клянусь.

АНТИГОНА. Спасибо. Так вот, сначала о вчерашнем. Ты сейчас спросил, почему я пришла в платье Исмены, надушенная, с накрашенными губами. Я была глупой. И была не очень уверена, что ты действительно хочешь меня, поэтому нарядилась, чтобы быть похожей на других девушек и зажечь в тебе желание.

ГЕМОН. Так вот для чего?

АНТИГОНА. Да. А ты стал смеяться надо мной, мы поссорились, я не смогла побороть свой сквер-

ный характер и убежала… *(Тише.)* Но я приходила для того, чтобы быть твоей, чтобы уже стать твоей женой.

Он отступает, хочет что-то сказать.

(Кричит.) Стоять! Ты поклялся не спрашивать почему! Ты поклялся мне, Гемон! *(Тише, смиренно.)* Умоляю тебя… *(Отворачивается, твердым голосом.)* Впрочем, я скажу тебе. Я хотела стать твоей женой, несмотря ни на что, потому что люблю тебя, очень люблю, и потому что — прости меня, любимый, если я причиняю тебе боль! — потому что я никогда, никогда не смогу быть твоей женой!

Он онемел от удивления.

(Отбегает к окну и кричит.) Гемон, ты поклялся! Уйди! Сейчас же уйди, не сказав ни слова. Если ты заговоришь, если сделаешь шаг ко мне, я выброшусь из окна. Клянусь тебе, Гемон! Клянусь нашим мальчиком, о котором мы мечтали, мальчиком, которого у нас никогда не будет. Уходи же, уходи скорей! Завтра ты все узнаешь. Ты узнаешь все очень скоро! *(Говорит с таким отчаянием, что Гемон повинуется и идет к выходу.)* Пожалуйста, уйди, Гемон! Это все, что ты еще можешь

для меня сделать, если любишь!

ГЕМОН уходит.

Ну вот, Антигона, и с Гемоном покончено.

По сцене катятся три клубка.
Появляется ЭВРИДИКА и за ней — входит ИСМЕНА

ИСМЕНА *(зовет).* Антигона!.. Ты здесь?
АНТИГОНА *(не двигаясь с места).* Да, я здесь.
ИСМЕНА. Я не могу спать. Я боялась, что ты все-таки убежишь и попытаешься похоронить его, хотя уже совсем светло. Антигона, сестренка моя, вот мы все здесь, мы с тобой: и Гемон, и няня, и я, и твоя собака Милка... Мы любим тебя мы живые, и ты всем нам нужна. А Полиник мертв, и он тебя не любил. Он всегда был чужой нам, он был плохим братом. Забудь о нем, Антигона, как он забыл о нас! Пусть тело его останется без погребения, пусть его зловещая тень будет вечно скитаться, раз так повелел Креон. Не берись за то, что выше твоих сил. Ты никогда ничего не боишься, но ведь ты такая маленькая, Антигона. Останься с нами, не ходи туда ночью, умоляю тебя! *(Смеется).*

Два карлика уносят АНТИГОНУ.

ИСМЕНА уходит. Пробегают три карлика. Входит КРЕОН и СТРАЖНИК.

1-Й СТРАЖНИК *(вытягиваясь и отдавая честь).* Стражник Жона, второй роты. Значит, так, начальник. Мы бросили жребий, кому идти. И выпало мне. Так вот, начальник. Я и пришел, потому что решили — пусть уж один все объяснит, и еще потому, что нельзя всем троим уйти с поста. Мы, начальник, втроем стоим в карауле возле трупа. Значит, я не один, нас трое. Кроме меня еще Дюран и старший, Будусс.

Вот-вот, начальник. Я говорил то же самое. Явиться должен был старший. Когда других командиров нет, за все отвечает старший. Но они не согласились и решили бросить жребий. Прикажете пойти за старшим?

Я на службе семнадцать лет. Пошел в армию добровольцем, награжден медалью, две благодарности в приказе. Я на хорошем счету, начальник. Служу усердно. Знаю только приказы. Командиры говорят: «На этого Жона можно положиться». По правилам, должен был явиться старший. Правда, я уже представлен к повышению, но еще не произведен. Производство должно состояться в июне.

Ну так вот, начальник: труп…

Появляются ПРИЗРАКИ.

Мы вовсе не спали! Заступили в два часа ночи, самое собачье время. Знаете, начальник, когда ночь на исходе. Веки словно свинцом налиты, голова тяжелая, мерещится, будто тени какие-то движутся, и утренний туман стелется… Они выбрали подходящее время!.. Но мы все были на посту, разговаривали и топали ногами, чтобы согреться… Мы не спали, начальник, все трое можем поклясться, что не спали! Да и слишком уж холодно было… И вот я взглянул на труп… Мы стояли в двух шагах от него, но я все-таки поглядывал время от времени… Таков уж я, начальник все делаю на совесть. Вот почему командиры говорят: «На этого Жона…».

ПРИЗРАКИ

Царь! Человек ни в чем не должен клясться:
Окажется потом, что он солгал.
Я говорил, что не вернусь сюда,
Так был убит угрозами твоими,
Однако радость, коль не ждешь ее,
Бывает выше всяких удовольствий,

И вот я снова здесь, хотя и клялся.
Веду ее: схватили мы девицу,
Когда умершего обрядом чтила.
Я видел сам, как тело хоронила,
Запрет нарушив, — ясно говорю!
Так было дело. Страшные угрозы
Твои услышав, мы туда вернулись,
С покойника смахнули пепел, — тело,
Наполовину сгнившее, открыли,
А сами сели на пригорке так,
Чтоб с ветром к нам не доносилось смрада.
Так время шло, пока на небесах
Не встало солнце кругом лучезарным
И зной не запылал. Но тут внезапно
Поднялся вихрь — небесная напасть,
Застлал от взоров поле, оборвал
Листву лесов равнинных; воздух пылью
Наполнился. Зажмурясь, переносим
Мы гнев богов... Когда же, наконец,
Все стихло, видим: девушка подходит
И стонет громко злополучной птицей,

Нашедшею пустым свое гнездо.
Лишь увидала тело обнаженным,
Завыла вдруг и громко стала клясть
Виновников. И вот, песку сухого
В пригоршнях принеся, подняв высоко
Свой медный, крепко скованный сосуд,
Чтит мертвого трикратным возлиянъем.
Мы бросились и девушку схватили.
Она не оробела. Уличаем
Ее в былых и новых преступленьях,
Стоит, не отрицает ничего.
И было мне и сладостно и горько:
Отрадно самому беды избегнуть,
Но горестно друзей ввергать в беду.
А все ж не так ее несчастье к сердцу
Я принимаю, как свое спасенье.

1-Й СТРАЖНИК. *(Выпаливает.)* Я первый это заметил, начальник! Остальные могут подтвердить, что это я первый дал сигнал тревоги.

КРЕОН. Сигнал тревоги? Почему?

1-Й СТРАЖНИК. Да этот труп, начальник! Кто-то его засыпал. Правда, чуть-чуть. Тело едва

забросали землей… Но так, чтобы его не растерзали хищники.

КРЕОН *(подойдя ближе).* А может быть, просто какое-нибудь животное рыло землю?

1-Й СТРАЖНИК. Никак нет, начальник. Мы тоже сначала так подумали. Но земля была набросана сверху, как полагается по обряду. Видно, знали, что делали.

КРЕОН. Но кто осмелился? Какой безумец решил ослушаться моего повеления? Заметил ли ты какие-нибудь следы?

1-Й СТРАЖНИК. Ничего, начальник. Только чуть заметный след, как будто птичка пробежала. Потом, обыскав хорошенько все кругом, Дюран нашел чуть подальше лопатку. Детскую лопатку, совсем старую и заржавленную. Но ведь не мог же ребенок решиться на такое дело! Наш старший все-таки сохранил эту лопатку для следствия.

КРЕОН *(задумчиво, про себя).* Ребенок. Хоть оппозиция и разгромлена, но тайно она продолжает действовать повсюду. Все эти друзья Полиника, припрятавшие золото в Фивах; пропахшие чесноком, вожди плебса, вдруг объединившиеся со знатью; жрецы, пытающиеся поживиться, ловя рыбку в мутной воде… Ребенок! Они, наверное, решили, что так будет трогательнее. Представляю

себе этого ребенка с физиономией наемного убийцы, с лопаткой, аккуратно завернутой в бумагу и спрятанной под одеждой… Если только они и в самом деле не подучили какого-нибудь ребенка, оглушили его громкими фразами… Невинная душа — неоценимая находка для их партии! Бледный мальчуган, презрительно плюющий в солдат, наводящих на него ружья… Молодая невинная кровь, обагрившая мои руки. Еще один удачный ход! *(Приближается к стражнику.)* У них должны быть сообщники! Может, они есть и среди стражников. Слушай, ты!..

1-Й СТРАЖНИК. Начальник, мы сторожили как следует! Дюран присаживался на полчасика, у него болели ноги, но я, начальник, был все время на ногах. Старший может подтвердить.

КРЕОН. Кому вы успели рассказать о случившемся?

1-Й СТРАЖНИК. Никому, начальник. Мы сразу же бросили жребий, и вот я пришел.

КРЕОН. Слушай хорошенько. Приказываю продлить срок вашего дежурства. Те, кто придет вас сменить, пускай вернутся назад. Таков приказ. Возле трупа должны находиться только вы. И ни слова о происшедшем! Вы виновны в том, что небрежно несли караул, вы все равно будете нака-

заны. Но если вдобавок ты проболтаешься, если в городе распространится слух, что труп Полиника пытались похоронить, я всех вас повешу!

1-Й СТРАЖНИК *(вопит в ужасе).* Мы никому не говорили, начальник, клянусь! Но ведь пока я здесь, они, может быть, уже сказали тем, кто пришел нас сменить! *(На лбу у него выступают крупные капли пота, язык заплетается.)* Начальник, у меня двое детей, один — совсем крошка! Ведь вы подтвердите на военном суде, что я был здесь? Я был тут, с вами! Значит, у меня есть свидетель! Если кто-нибудь и проболтается, так это не я, а другие. У меня есть свидетель!

КРЕОН. Беги назад, да живей! Если никто не узнает, ты будешь жив.

СТРАЖНИК выбегает.

(Некоторое время молчит, затем шепчет.) Ребенок…

Вступает ХОР.

ХОР. Ну вот, теперь пружина натянута до отказа. Дальше события будут разворачиваться сами собой. Этим и удобна трагедия — нужен лишь небольшой толчок, чтобы пустить в ход весь механизм, достаточно любого пустяка мимолет-

ного взгляда на проходящую по улице девушку, вдруг взмахнувшую руками, или честолюбивого желания, возникшего в одно прекрасное утро, в момент пробуждения, желания, похожего на внезапно проснувшийся аппетит, или неосторожного вопроса, который однажды вечером задаешь самому себе… И все! А потом остается одно: предоставить событиям идти своим чередом. Беспокоиться не о чем. Все пойдет само собой. Механизм сработан на совесть, хорошо смазан. Смерть, предательство, отчаяние уже здесь, наготове, и взрывы, и грозы, и безмолвие, все виды безмолвия: безмолвие конца, когда рука палача уже занесена; безмолвие начала, когда обнаженные любовники впервые, не смея пошевельнуться лежат в темной комнате; безмолвие, которое обрывает вопли толпы, окружающей победителя, как в кино, когда звук внезапно пропадает, — открытые рты беззвучно шевелятся, а победитель, уже побежденный, одинок среди этого безмолвия…

Трагедия — дело чистое, верное, она успокаивает… Прежде всего, тут все свои. В сущности, ведь никто не виноват! Не важно, что один убивает, а другой убит. Кому что выпадет. В драме — с предателями, с закоренелыми злодеями,

с преследуемой невинностью, с мстителями, ньюфаундлендскими собаками, с проблесками надежды — умирать ужасно, смерть похожа на несчастный случай. Возможно, еще удалось бы спастись, благородный юноша мог бы поспеть с жандармами вовремя. В трагедии чувствуешь себя спокойно, потому что знаешь: нет никакой надежды, даже самой паршивенькой; ты пойман, пойман, как крыса в ловушку, небо обрушивается на тебя, и остается только кричать не стонать, не сетовать, а вопить во всю глотку то, что хотел сказать, что прежде не было сказано и о чем, может быть, еще даже не знаешь. А зачем? Чтобы сказать об этом самому себе, узнать об этом самому. В драме борются, потому что есть надежда выпутаться из беды. Это неблагородно, чересчур утилитарно. В трагедии борьба ведется бескорыстно. Это для царей. Да и, в конце-то концов, рассчитывать ведь не на что!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Появляются все ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

АНТИГОНА

Чего ж ты медлишь? Мне твои слова
Не по душе и по душе не будут.
Тебе ж противны действия мои.
Но есть ли для меня превыше слава,
Чем погребенье брата своего?
И все они одобрили б меня.
Когда б им страх не сковывал уста,
Одна из преимуществ у царя
И говорить и действовать как хочет.

КРЕОН

Из граждан всех одна ты мыслишь так.

АНТИГОНА

Со мной и старцы, да сказать не сме-

ют.

КРЕОН

Тебе не стыдно думать с ними розно?

АНТИГОНА

Чтить кровных братьев — в этом нет стыда.

КРЕОН

А тот, убитый им, тебе не брат?

АНТИГОНА

Брат — общие у нас отец и мать.

КРЕОН

За что ж его ты чтишь непочитаньем?

АНТИГОНА

Не подтвердит умершей этих слов.

КРЕОН

Ты больше почитаешь нечестивца.

АНТИГОНА

Но он — мой брат, не раб какой-нибудь.

КРЕОН

Опустошитель Фив... А тот — защитник!

АНТИГОНА

Один закон Аида для обоих.

КРЕОН

Честь разная для добрых и для злых.

АНТИГОНА

Благочестиво ль это в царстве мертвых?

КРЕОН

Не станет другом враг и после смерти.

АНТИГОНА

Я рождена любить, не ненавидеть.

ЭВРИДИКА. Сад еще спал, он не подозревал, что я любуюсь им. Как красив сад, когда он еще не думает о людях! Поля были мокрые от росы и чего-то ожидали. Все кругом чего-то ожидало. Я шла одна по дороге, звук моих шагов гулко отдавался в тишине, и мне было неловко — ведь я прекрасно знала, что ждут не меня. Тогда я сняла сандалии и осторожно проскользнула в поле, так что оно меня не заметило. Была еще ночь. Только одна я в полях и думала, что уже утро. Сегодня я первая увидела, как настал день.

ХОР. Я теперь меньше познаю и больше понимаю, но каким-то особенным, незаконным способом. Все увереннее удается мне овладеть даром непосредственности. Во мне развивается способность постигать, улавливать, анализировать, соединять, давать имя, устанавливать факты, выражать их причем все сразу.

Рай — он повсюду, к нему ведут любые дороги,

если только пойти по ним достаточно далеко. Но продвинуться вперед возможно, лишь возвращаясь назад, затем направившись вбок, и вверх, и затем вниз. Нет никакого прогресса, есть только вечное движение и перемещение — оно идет по кругу, спиралеобразно, бесконечно. У каждого человека свое назначение, и единственный наш императив — это следовать своему назначению, приняв его, к чему бы это ни вело.

Я живу для одного себя, но себялюбия или эгоизма в этом нет и следа. Я всего лишь стараюсь прожить то, что мне отпущено, и тем самым помогаю равновесию вещей в мире. Помогаю движению, нарождению, умиранию, изменению, свершающимся в космосе, и делаю это всеми средствами, день за днем. Отдаю все, чем располагаю. Отдаю в охотку, но и вбираю сам — все, что способен вместить. Я и венценосец, и пират. Я символ равновесия, олицетворение Весов.

СТРАЖНИКИ вносят АНТИГОНУ.

Ну вот, начинается. Маленькую Антигону схватили. Маленькая Антигона впервые может быть сама собой.

СТРАЖНИКИ. Забрали ее лопатку, а ты опять за свое, ногтями стала рыть… Ну и дерзкая ты! Я

на секунду отвернулся, взял у Дюрана табаку и не успел заложить щепотку за щеку, не успел сказать спасибо глядь, а она уж роется в земле, точна гиена. Это средь бела дня! А уж как эта девка отбивалась, когда я хотел ее схватить! Чуть глаза мне не выцарапала! Кричала, что должна довести дело до конца… Ей-богу, она сумасшедшая!

Входит КРЕОН.

КРЕОН *(останавливается, удивленный).* Что это значит? Дурачье! *(Антигоне.)* Где они тебя задержали?

СТРАЖНИК. У трупа, начальник.

КРЕОН. Что ты собиралась делать у тела своего брата? Ты же знаешь, что я запретил к нему приближаться!

СТРАЖНИК. Что она делала, начальник? Она рыла землю руками. Посмела снова закапывать труп.

КРЕОН. А ты-то сам понял, что сказал?

СТРАЖНИК. Можете спросить у остальных, начальник. Когда я вернулся туда, труп очистили от земли; но солнце сильно припекало, и он уже начал попахивать, вот мы и стали неподалеку за пригорком с подветренной стороны. Мы решили, что ничем не рискуем среди бела дня. Но

на всякий случай — для большей надежности — сговорились по очереди посматривать, все ли в порядке. Но в полдень, когда солнце палило вовсю, а ветер стих, труп стал вонять еще больше, и мы совсем очумели. Сколько ни таращил я глаза, все кругом дрожало, точно студень, я ни черта не видел. Подошел к товарищу за табачком, думал, пройдет… Не успел заложить табак за щеку не успел сказать спасибо, обернулся — глядь, она роет землю прямо руками.

Среди бела-то дня! Неужели она воображала, что ее не заметят? А когда увидела, что я бегу за ней, думаете, она остановилась, попыталась удрать? Как бы не так! Продолжала рыть изо всех сил, прямо как бешеная, словно и не видела, что я подхожу. Когда я ее схватил, она, чертовка, отбивалась, все рвалась к трупу, требовала, чтобы я ее отпустил, потому что тело, мол, еще не покрыто землей. Она сумасшедшая…

КРЕОН *(Антигоне).* Это правда?

АНТИГОНА. Да, правда.

КРЕОН. А ночью, первый раз, тоже была ты?

АНТИГОНА. Да, я. У меня была железная лопатка, которой мы летом копали песок. Это была как раз лопатка Полиника. Он вырезал ножом свое имя на ручке. Поэтому я оставила ее возле его

тела. Но они забрали ее. Вот тогда во второй раз мне и пришлось рыть землю руками.

СТРАЖНИК. Впору был подумать, что какой-то зверек роет землю! Когда Дюран взглянул туда — а воздух дрожал от зноя, — он мне сказал: «Да нет, это какой-то зверь». А я ему ответил: «Скажешь тоже, разве зверь может такое делать? Это девочка».

КРЕОН. Ладно, ладно. Если понадобится, вы все это изложите в рапорте. А сейчас оставьте меня с нею наедине.

СТРАЖНИК. Наручники, начальник?..

ВСЕ. Нет.

СТРАЖНИКИ выходят.
КРЕОН и АНТИГОНА остаются вдвоем.

КРЕОН. Ты кому-нибудь говорила о том, что задумала?

АНТИГОНА. Нет.

КРЕОН. А когда шла туда, тебе никто не встретился?

АНТИГОНА. Нет, никто.

КРЕОН. Ты в этом уверена?

АНТИГОНА. Да.

КРЕОН. Ну так слушай: ты вернешься к себе, ляжешь в постель и скажешь, что заболела, что

никуда не выходила со вчерашнего дня. Кормилица это подтвердит. А этих троих я уберу.

АНТИГОНА. Зачем? Ведь вы прекрасно знаете, что я снова примусь за прежнее.

Пауза. Они смотрят друг на друга.

КРЕОН. Почему ты пыталась похоронить брата?

АНТИГОНА. Это мой долг.

КРЕОН. Но ведь я запретил!

АНТИГОНА *(тихо).* И все-таки я должна была это сделать. Тени непогребенных вечно блуждают, нигде не находят покоя. Если бы мой брат был жив и вернулся усталый после долгой охоты, я бы разула его, дала бы ему поесть, приготовила постель… Последняя охота Полиника окончена. Он возвращается домой, его ждут отец, мать и Этеокл. Он имеет право отдохнуть.

КРЕОН. Параграф восьмой, страница 84, издательство «Высшей французской школы». Он был бунтовщик и предатель, ты это знала!

АНТИГОНА. Он был мой брат.

КРЕОН. Ты слышала, как на всех перекрестках читали мой эдикт, ты видела, что он вывешен на всех городских стенах?

АНТИГОНА. Да.

КРЕОН. Ты знала, какая участь ждет каждого, кем бы он ни был, если он осмелится воздать телу Полиника погребальные почести?

АНТИГОНА. Да, знала.

КРЕОН. Ты, может быть, думала, что раз ты дочь Эдипа, дочь гордого царя Эдипа, то для тебя закон не писан?

АНТИГОНА. Нет, я этого не думала.

КРЕОН. Закон прежде всего существует для тебя, Антигона, прежде всего для царских дочерей!

АНТИГОНА. Если бы я была служанкой, и вдруг услышала, как читают эдикт, я вытерла бы грязные руки и, не снимая фартука, пошла хоронить брата.

КРЕОН. Неправда. Если бы ты была служанкой, ты не сомневалась бы, что тебя казнят, и оплакивала бы своего брата дома. А ты рассудила так: ты царской крови, моя племянница, невеста моего сына, и что бы ни случилось, я не осмелюсь тебя казнить.

АНТИГОНА

Чего ж ты медлишь? Мне твои слова
Не по душе и по душе не будут.
Тебе ж противны действия мои.

Но есть ли для меня превыше слава,
Чем погребенье брата своего?
И все они одобрили б меня.
Когда б им страх не сковывал уста,
Одна из преимуществ у царя
И говорить и действовать как хочет.

КРЕОН

Из граждан всех одна ты мыслишь так.

АНТИГОНА

Со мной и старцы, да сказать не смеют.

КРЕОН

Тебе не стыдно думать с ними розно?

АНТИГОНА

Чтить кровных братьев — в этом нет стыда.

КРЕОН

А тот, убитый им, тебе не брат?

АНТИГОНА

Брат — общие у нас отец и мать.

КРЕОН

За что ж его ты чтишь непочитаньем?

АНТИГОНА

Не подтвердит умершей этих слов.

КРЕОН

Ты больше почитаешь нечестивца.

АНТИГОНА

Но он — мой брат, не раб какой-нибудь.

КРЕОН

Опустошитель Фив... А тот — защит-

ник!

АНТИГОНА

Один закон Аида для обоих.

КРЕОН

Честь разная для добрых и для злых.

АНТИГОНА

Благочестиво ль это в царстве мертвых?

КРЕОН

Не станет другом враг и после смерти.

АНТИГОНА

Я рождена любить, не ненавидеть.

КРЕОН. Верю, верю, ты — Антигона. Так вот, слушай меня внимательно. Да, ты Антигона, ты дочь Эдипа, но тебе уже двадцать лет, и случись это немного раньше, все уладилось бы очень просто: посадили бы тебя на хлеб и воду и отвесили пару оплеух. *(Смотрит на нее улыбаясь.)*

Казнить тебя? Да ты погляди на себя, воробышек! Слишком уж ты худа. Лучше растолстей немножко, чтобы родить Гемону здорового мальчугана. Уверяю тебя, Фивам он нужнее, чем твоя смерть. Ты сейчас же вернешься к себе, сделаешь так, как я тебе велел, и будешь молчать. О том, чтобы молчали остальные, позабочусь я сам. Ты, конечно, считаешь меня человеком грубым, думаешь, что я не способен на высокие чувства. Но я все-таки очень люблю тебя, несмотря на твой скверный характер. Не забудь, что первую куклу подарил тебе именно я и было это не так уж давно.

АНТИГОНА, не отвечая, направляется к выходу.

(Останавливает ее.) Антигона! Эта дверь ведет не в твою комнату! Куда ты идешь?

АНТИГОНА. *(остановившись, тихо, без рисовки).* Вы прекрасно знаете куда…

Пауза. Они продолжают смотреть друг на друга, стоя лицом к лицу.

КРЕОН *(шепчет словно про себя).* Что это за игра?

АНТИГОНА. Это не игра.

КРЕОН. Разве ты не понимаешь, что если кто-

нибудь кроме этих трех дуралеев узнает сейчас, что ты пыталась сделать, я буду вынужден казнить тебя? Если же ты будешь молчать, если откажешься от своего безумного намерения, я еще сумею спасти тебя, но через пять минут я уже не смогу это сделать. Ты понимаешь?

АНТИГОНА. Я должна похоронить тело брата, которое эти люди опять откопали.

КРЕОН. Ты хочешь повторить свой нелепый поступок? Но у тела Полиника стоит стража, и даже если тебе удастся засыпать труп землей, его опять откопают, ты прекрасно знаешь. Что ты можешь сделать? Только обломаешь ногти и дашь себя снова схватить?

АНТИГОНА. Да, ничего другого, я знаю. Но это по крайней мере в моих силах. А делать нужно то, что в твоих силах.

КРЕОН. Так ты в самом деле веришь в погребальный обряд? Веришь, что тень твоего брата будет осуждена на вечные скитания, если не бросить на труп горсть земли, пробормотав при этом обычную молитву жрецов? Ты, конечно, слышала, как фиванские жрецы произносят свои молитвы? Видела, как эти забитые, усталые служители, глотая слова, торопятся кончить церемонию, как они на скорую руку отпевают

мертвеца, чтобы до обеда успеть похоронить еще одного?

АНТИГОНА. Да, видела.

КРЕОН. И неужели тебе никогда не приходило в голову, что если бы в гробу лежал человек, которого ты действительно любишь, ты взвыла бы от всего этого? Ты велела бы им замолчать, выгнала бы их.

АНТИГОНА. Да, я думала об этом.

КРЕОН. И все же сейчас ты рискуешь жизнью из-за того, что я запретил совершать над телом твоего брата эту смехотворную церемонию, запретил бормотать над его останками бессмысленные слова, разыгрывать шутовскую пантомиму, от которой тебе первой стало бы и больно и стыдно… Ведь это же нелепо!

АНТИГОНА. Да, нелепо.

КРЕОН. Тогда для кого же ты это сделала? Для других, для тех, кто в это верит? Чтобы восстановить их против меня?

АНТИГОНА. Нет.

КРЕОН. Ни для них, ни для брата? Для кого же тогда?

АНТИГОНА. Ни для кого. Для себя.

КРЕОН *(молча глядит на нее).* Значит, тебе захотелось умереть?

АНТИГОНА. Поступайте, как я. Делайте то, что должны.

КРЕОН *(приближаясь к ней).* Я хочу спасти тебя, Антигона.

АНТИГОНА. Вы царь, вы всесильны, но это не в ваших силах. Отпустите меня, мне больно!

КРЕОН *(смотрит на нее и отпускает с коротким смешком. Шепчет).* Одним богам известно, сколько дел у меня сегодня, а я все-таки трачу время на то, чтобы спасти тебя, дрянная девчонка! *(Заставляет ее сесть на стул посреди сцены. Снимает верхнюю одежду, остается в рубашке, и, грузный, могучий, подходит к Антигоне.)* Наутро после подавления бунта у меня дел по горло, уверяю тебя! Но срочные дела подождут. Я не могу допустить, чтобы ты стала жертвой политических неурядиц. Ты достойна лучшей участи. Знай, что твой Полиник, эта тень которую ты оплакиваешь, этот разлагающийся под охраной стражников труп и вся трагическая чепуха, воодушевляющая тебя, — всего лишь политические неурядицы. Прежде всего, я отнюдь не неженка, но я разборчив; я люблю, чтобы все было опрятно, чисто, хорошо вымыто. Ты думаешь, мне, как и тебе, не противна эта падаль, гниющая на солнце? По вечерам, когда ветер

дует с моря, вонь уже доносится во дворец. Меня тошнит. Но я даже не велю закрыть окна. Это гнусно, это глупо, чудовищно глупо — тебе-то я могу признаться! — но необходимо, чтобы Фивы надышались этим воздухом. Ты же понимаешь, я давно бы приказал похоронить твоего брата, если бы заботился только о гигиене! Но для того, чтобы скоты, которыми я управляю, все уразумели, трупный запах по меньшей мере месяц будет отравлять городской воздух.

АНТИГОНА. Вы отвратительны!

КРЕОН. Да, девочка, этого требует мое ремесло. Можно спорить, следует им заниматься или нет. Но если уж взялся за него — нужно действовать именно так.

АНТИГОНА. Зачем же вы за него взялись?

КРЕОН. Однажды утром я проснулся фиванским царем. Хотя, видит бог, меня меньше всего на свете привлекала власть…

АНТИГОНА. Так надо было отказаться.

КРЕОН. Я мог это сделать. Но я вдруг почувствовал себя рабочим, увиливающим от работы. Я решил, что это нечестно. И сказал: «Да!»

АНТИГОНА. Тем хуже для вас. Но я ведь не сказала «да»! Я-то еще могу сказать «нет» всему, что мне не по душе. Я сама себе хозяйка. А вы, со

своей короной, со своей стражей, во всем своем блеске, вы только одно можете казнить меня, потому что ответили «да»!

КРЕОН. Послушай меня!

АНТИГОНА. Я могу вас не слушать, если захочу. Вы ответили: «да». Мне больше нечего у вас узнавать. А вот вам — другое дело. Вы жадно внимаете моим словам.

КРЕОН. Ты меня забавляешь!

АНТИГОНА. Нет. Я внушаю вам страх. Вот почему вы пытаетесь меня спасти. Но тем не менее вам придется сейчас меня казнить, вы это знаете, и поэтому вам страшно.

КРЕОН *(глухо).* Да, мне страшно, что я вынужден буду казнить тебя, если ты не перестанешь. А я не хотел бы этого.

АНТИГОНА. А вот меня никто не вынудил сделать то, чего я не хочу! Может быть, вы тоже не хотели оставлять тело моего брата без погребения? Скажите, ведь не хотели?

КРЕОН. Я тебе уже сказал.

АНТИГОНА. И все-таки сделали это. А теперь вы опять, не желая того, прикажете меня казнить. Это и называется быть царем!

КРЕОН. Да, именно это!

АНТИГОНА. Бедный Креон! Хотя ногти мои сло-

маны, испачканы в земле, хотя на руках у меня синяки, хотя у меня от страха сосет под ложечкой, царствую я, а не ты!

КРЕОН. Ну, тогда сжалься надо мной! Труп твоего брата, гниющий под моими окнами, — это достаточная плата за восстановление порядка в Фивах. Мой сын любит тебя. Не вынуждай меня расплачиваться еще и твоей жизнью. Я заплатил уже достаточно.

АНТИГОНА. Нет. Вы ответили «да». И теперь вам все время придется платить!

КРЕОН *(вне себя трясет ее).* О господи! Попытайся и ты тоже хоть на минутку понять меня! Я же старался изо всех сил понять тебя. Ведь нужно, чтобы кто-то ответил «да». Ведь нужно, чтобы кто-то стоял у кормила! Судно дало течь по всем швам. Оно до отказа нагружено преступлениями, глупостью, нуждой… Корабль потерял управление. Команда не желает ничего больше делать и думает лишь о том, как бы разграбить трюмы, а офицеры уже строят для одних себя небольшой удобный плот, они погрузили на него все запасы пресной воды, чтобы унести ноги подобру-поздорову. Мачта трещит, ветер завывает, паруса разодраны в клочья, и эти скоты так и подохнут все вместе, потому что каждый думает только о

собственной шкуре, о своей драгоценной шкуре, и о своих делишках. Скажи на милость, где уж тут помнить о всяких тонкостях, где уж тут обдумывать, сказать «да» или «нет», размышлять, не придется ли потом расплачиваться слишком дорогой ценой и сможешь ли ты после этого остаться человеком? Куда там! Хватаешь любую доску, чтобы поскорее заделать пробоину, в которую так и хлещет вода, выкрикиваешь приказания и стреляешь прямо в толпу, в первого, кто сунется вперед. В толпу! У нее нет имени. Она, как волна, которая обрушивается на палубу перед самым твоим носом, как ветер, который хлещет тебя по лицу, и тот, кто падает в толпе, сраженный твоим выстрелом, не имеет имени. Может быть, это тот, кто улыбнулся тебе накануне и дал прикурить. У него больше нет имени. Нет больше имени и у тебя, судорожно вцепившегося в руль. Не осталось больше ничего, кроме корабля, у которого есть имя, и бури. Понимаешь ли ты это?

АНТИГОНА *(качает головой).* Я не хочу понимать. Это ваше дело. Я здесь не для того, чтобы понимать, а для другого. Я здесь для того, чтобы ответить вам «нет» — и умереть.

КРЕОН. Ответить «нет» легко!

АНТИГОНА. Не всегда.

КРЕОН *(как бы размышляя вслух).* Забавно! Я часто представлял себе такой разговор с каким-нибудь бледным юношей, который попытается меня убить, с юношей, который на все мои вопросы будет отвечать только презрением. Но я никак не думал, что разговор этот будет у меня с тобой и по такому глупейшему поводу. *(Закрывает лицо руками. Видно, что силы его иссякают.)* И все же выслушай меня в последний раз. У меня скверная роль, но я должен ее сыграть, и я прикажу тебя казнить. Только сначала я хочу, чтобы и ты тоже выучила назубок свою роль. Ты знаешь, ради чего идешь на смерть, Антигона? Ты знаешь, в какую гнусную историю навсегда вписала кровью свое имя?

АНТИГОНА. В какую?

КРЕОН. В историю Этеокла и Полиника, твоих братьев. Ты думаешь, что знаешь ее, но на самом деле ты ничего не знаешь. И никто в Фивах, кроме меня, не знает. Но мне кажется, что в это утро ты тоже имеешь право ее узнать. *(Задумывается, обхватив голову руками и упершись локтями в колени. Слышно, как он шепчет.)* О, красивого тут мало, сама увидишь! Знаешь ли ты, каким был твой брат?

АНТИГОНА. Во всяком случае, я знаю, что ни-

чего, кроме плохого, вы о нем не скажете!

КРЕОН. Никчемный, глупый гуляка, жестокий, бездушный хищник, ничтожная скотина, только и умеющий, что обгонять экипажи на улице да тратить деньги в кабаках. Однажды — я как раз был при этом — твоей отец отказался заплатить за Полиника крупный проигрыш, а тот побледнел, замахнулся на него, грубо выругался. И этот скот со всего размаху ударил отца прямо в лицо.

АНТИГОНА. Неправда!

КРЕОН. Правда! На Эдипа жалко было смотреть! Он сел за стол, закрыл лицо руками. Из носа у него текла кровь. Он плакал. А Полиник в углу кабинета закуривал сигарету и насмешливо улыбался.

АНТИГОНА *(почти умоляюще).* Это неправда!

КРЕОН. А ты припомни! Тебе было тогда двенадцать лет. Вы потом долго его не видели, правда?

АНТИГОНА *(глухо).* Да, это правда.

КРЕОН. Это было после той ссоры. Твой отец не хотел, чтобы сына судили. А Полиник завербовался в аргивянское войско. А как только он очутился в Аргосе, началась охота на твоего отца — на старика, который не желал ни умереть, ни отказаться от престола. Покушения следовали одно за другим, и убийцы, которых мы ловили,

в конце концов всегда признавались, что получили деньги от Полиника. Впрочем, не от одного Полиника. Раз уж ты горишь желанием сыграть роль в этой драме, я хочу, чтобы ты узнала обо всем, что происходило за кулисами, узнала всю эту кухню. Вчера я велел устроить пышные похороны Этеоклу. Этеокл теперь герой Фив, он святой. В процессии участвовали все фиванские жрецы скопом, в парадном облачении. Были отданы воинские почести…

Но сейчас я скажу тебе нечто, известное лишь мне одному, нечто ужасное: Этеокл, этот столп добродетели, был нисколько не лучше Полиника. Этот образцовый сын тоже пытался умертвить отца, этот благородный правитель тоже намерен был продать Фивы тому, кто больше даст. Ну, не забавно ли это? У меня имеются доказательства, что Этеокл, чье тело покоится ныне в мраморной гробнице, замышлял ту же измену, за которую поплатился Полиник, гниющий сейчас на солнцепеке. Лишь случайно Полиник осуществил этот план первым. Они вели себя, как мошенники на ярмарке, обманывали друг друга и в конце концов, перерезали друг другу глотку, как и подобает мелким воришкам… Но обстоятельства заставили меня провозгласить одного из них

героем. Я велел отыскать их тела в груде убитых. Братья лежали, обнявшись, очевидно, впервые в жизни. Они пронзили друг друга мечами, а потом по ним прошлась аргивянская конница. Их тела превратились в кровавое месиво. Антигона, их нельзя было узнать. Я велел поднять одно тело, меньше обезображенное, с тем чтобы устроить торжественные похороны, а другое приказал оставить там, где оно валялось. Я даже не знаю, кого из них мы похоронили. И, клянусь, мне это совершенно безразлично!

Долгая пауза. Оба сидят неподвижно, не глядя друг на друга.

АНТИГОНА *(тихо).* Для чего ты рассказал мне это?

КРЕОН *(встает, надевает верхнюю одежду).* Разве было бы лучше, чтобы ты умерла из-за этой жалкой истории?

АНТИГОНА. Может быть, лучше.

Опять воцаряется молчание.

КРЕОН *(подходит к Антигоне).* Что же ты теперь будешь делать?

АНТИГОНА *(встает, как во сне).* Пойду в свою комнату.

КРЕОН. Не оставайся одна. Повидайся утром с Гемоном. Поскорее выходи за него замуж.

АНТИГОНА *(со вздохом).* Да.

КРЕОН. У тебя вся жизнь впереди. Поверь, наши с тобой споры — пустая болтовня Ведь ты владеешь таким бесценным сокровищем — жизнью.

АНТИГОНА. Да.

КРЕОН. Все остальное не в счет. А ты собиралась пустить его на ветер! Я понимаю тебя: в двадцать лет я поступил бы точно так же. Вот почему я жадно внимал твоим словам. Я слушал из дали времен голос юного Креона, такого же худого и бледного, как ты, тоже мечтавшего о самопожертвовании… Выходи поскорее замуж, Антигона, и будь счастлива! Жизнь не то, что ты думаешь. Она словно вода проходит у вас, молодых, между пальцами а вы этого и не замечаете. Скорее сомкни пальцы, подставь ладони. Удержи ее! Жизнь — это любимая книга, это ребенок, играющий у твоих ног, это скамейка у дома, где отдыхаешь по вечерам. Ты будешь еще больше презирать меня, но когда-нибудь это ничтожное утешение в старости — ты поймешь, что жизнь, вероятно, все-таки счастье.

АНТИГОНА *(шепчет, растерянно озираясь).* Жизнь? Какой же будет моя жизнь? Какие жал-

кие поступки придется мне совершать изо дня в день, скажите, кому мне нужно будет лгать, кому улыбаться, кому продавать себя? Кому я спокойно дам умереть? Я хочу узнать, что я, именно я, должна совершить, чтобы жить? Вы говорите, что жизнь прекрасна. Это я и хочу узнать, как я должна поступать, чтобы жить.

КРЕОН. Ты сама не знаешь, что говоришь. Замолчи!

АНТИГОНА. Нет, я знаю, что говорю, а вот вы меня уже не понимаете.

КРЕОН. Почему ты улыбаешься?

АНТИГОНА. Я должна похоронить тело брата.

КРЕОН. Но почему?

АНТИГОНА. Потому что эти люди снова откопали его.

Тотчас появляются СТРАЖНИКИ.

КРЕОН остается один. Появляется ХОР, приближается к нему.

ХОР. Ты безумец, Креон! Что ты наделал!

КРЕОН *(глядя куда-то вдаль прямо перед собой).* Ей суждено было умереть.

ХОР. Не дай умереть Антигоне, Креон! Для всех нас это будет кровоточащей раной на долгие века.

КРЕОН. Она сама хотела умереть! Мы все были бессильны заставить ее жить. Теперь я это понимаю. Антигона была создана, чтобы умереть. Быть может, она сама не сознавала этого. Самым главным для нее было сказать «нет» и умереть.

ХОР. Она еще ребенок, Креон.

КРЕОН. Но что я могу для нее сделать? Приговорить ее к жизни?

Вбегает ГЕМОН.

ГЕМОН *(кричит).* Отец!

КРЕОН *(бросается к нему, обнимает его).* Забудь ее, Гемон! Забудь ее, мой мальчик!

ГЕМОН. Ты обезумел, отец!

КРЕОН *(сжимая его еще крепче).* Я испробовал все, чтобы спасти ее, Гемон. Я испробовал все, клянусь тебе! Она не любит тебя. Она могла бы жить. Но она выбрала безумие и смерть.

ГЕМОН *(кричит, пытаясь вырваться).* Но, отец, ты слышишь, они уводят ее! Не дай им увести ее, отец!

КРЕОН. Теперь она заговорила. Все Фивы знают, что она сделала. И я вынужден ее казнить.

Пауза. Они стоят лицом к лицу; смотрят друг на друга.

ХОР *(приближаясь к ним).* Нельзя ли что-то придумать: сказать, что она лишилась рассудка, посадить ее в тюрьму?

КРЕОН. Люди скажут, что это неправда. Скажут, я спас ее потому, что она невеста моего сына. Я не могу.

ХОР. Нельзя ли выиграть время, заставить ее завтра бежать?

КРЕОН. Толпа уже знает все, беснуется вокруг дворца. Я не могу.

ГЕМОН. Что значит толпа, отец? Ведь ты властелин.

КРЕОН. Я властелин, пока не издал закон. А потом — нет.

ГЕМОН. Отец, но я твой сын, ты не допустишь, чтобы ее отняли у меня!

КРЕОН. Нет, Гемон. Нет, мой мальчик. Мужайся! Антигона не может больше жить. Антигона уже покинула всех нас.

ГЕМОН. Неужели ты думаешь, что я смогу жить без нее? Неужели ты думаешь, что я примирюсь с этой вашей жизнью? Жить без нее все дни с утра до вечера? Жить без нее среди вашей суеты, болтовни, ничтожества?

КРЕОН. Тебе нужно примириться с этим. Каждый из нас в один более или менее грустный

день, рано или поздно, должен примириться с тем, что станет мужчиной. Для тебя этот день настал сегодня… И вот ты в последний раз стоишь передо мной, как маленький мальчик, со слезами на глазах, с сердцем, полным муки… Но когда ты отвернешься, когда переступишь этот порог, все будет кончено.

ГЕМОН *(слегка отступает; тихо).* Все уже кончено.

КРЕОН. Не осуждай меня, Гемон. Не осуждай меня и ты тоже!

ГЕМОН *(вглядываясь в него, внезапно).* Тот могучий бог, воплощение силы и мужества, который брал меня на руки и спасал от чудовищ и теней, неужели это был ты? Неужели это ты в те славные вечера при свете лампы показывал мне книги в своем кабинете и от тебя исходил тот манящий милый запах?

КРЕОН *(смиренно).* Да, Гемон.

ГЕМОН. И все заботы, вся гордость, все книги о подвигах героев, — все нужно было только для того, чтобы я пришел вот к этому? Стал мужчиной, как ты говоришь, и был бесконечно счастлив, что живу?

КРЕОН. Да, Гемон.

ГЕМОН *(внезапно вскрикивает как ребенок, бро-*

саясь в его объятия). Отец, это неправда! Это не ты, это произойдет не сегодня! Нас обоих еще не приперли к стенке, когда выбора уже нет, и надо сказать «да». Ты еще всемогущ, как и в дни моего детства. Умоляю тебя, отец, сделай так, чтобы я мог восхищаться тобой! Я слишком одинок, и мир слишком пустынен для меня, если я не могу больше восхищаться тобой.

КРЕОН *(высвобождаясь из его объятий).* Ты слишком долго восхищался мной. Посмотри на меня! Это и значит стать мужчиной — взглянуть однажды прямо в лицо своему отцу.

ГЕМОН *(вглядывается в него, потом отступает с криком).* Антигона! *(Убегает.)*

ХОР *(идет к Креону).* Креон, он выбежал как безумный!

КРЕОН *(стоит неподвижно, глядя прямо перед собой, куда-то вдаль).* Бедный мальчик, он ее любит.

ХОР. Креон, надо что-что сделать!

КРЕОН. Я больше ничего не могу.

ХОР. Он ушел, смертельно раненный.

КРЕОН *(глухо).* Да, мы все смертельно ранены.

Входит АНТИГОНА, подталкиваемая СТРАЖНИКАМИ.

АНТИГОНА. Значит, это ты?

СТРАЖНИК. Что — я?

АНТИГОНА. Последнее человеческое лицо, которое я вижу.

СТРАЖНИК. Надо полагать.

АНТИГОНА. Дай, я посмотрю на тебя…

СТРАЖНИК *(отходит от нее, смущенно).* Ладно, смотри.

АНТИГОНА. Это ты тогда задержал меня?

СТРАЖНИК. Да, я.

АНТИГОНА. Ты сделал мне больно. В этом не было никакой нужды. Разве было похоже, что я убегу? Сколько тебе лет?

СТРАЖНИК. Двадцать девять.

АНТИГОНА. У тебя есть дети?

СТРАЖНИК. Да, двое.

АНТИГОНА. Ты их любишь? Давно вы стражником?

СТРАЖНИК. С тех пор, как кончилась война. Я был сержантом и остался на сверхсрочной.

АНТИГОНА. Чтоб стать стражником, нужно быть сержантом?

СТРАЖНИК. Вообще-то да. Или хотя бы служить в спецкоманде. Но когда становишься стражником, теряешь чин сержанта. К примеру, ежели я встречу рядового из новобранцев, он может не

козырять мне.

АНТИГОНА. Вот как!

СТРАЖНИК. Да, заметьте, обычно они все же козыряют. Новобранцы знают, что стражник — не нижний чин. Ну а платят что нам, что спецкоманде одинаково, и каждые полгода полагаются наградные — выплачивают жалованье сержанта. Зато стражник пользуется другими выгодами. Квартира, отопление, пенсия, наградные… Словом, стражнику, особенно ежели у него есть жена и дети, живется лучше, чем сержанту-кадровику.

АНТИГОНА. Вот как!

СТРАЖНИК. Да. Вот почему сержанты со стражниками на ножах. Видали вы, как сержанты воротят нос от нас, стражников? У них есть большое преимущество, их быстрее повышают в чинах. В известном смысле это верно. У нас, конечно, продвижение по службе идет медленнее, труднее, чем в армии. Но вы не должны забывать, что бригадир у стражников — это совсем не то, что старший сержант в армии.

АНТИГОНА *(прерывает его.)* Послушай…

СТРАЖНИК. Да.

АНТИГОНА. Я сейчас умру.

СТРАЖНИК не отвечает. Пауза. Он ходит взад и вперед.

СТРАЖНИК *(через некоторое время снова начинает рассуждать).* С другой стороны, положение стражников кое в чем, пожалуй, лучше, чем сержантов-кадровиков. Стражник — солдат, но в то же время он некоторым образом государственный служащий…

АНТИГОНА. Как ты думаешь, умирать больно?

СТРАЖНИК. Не могу вам сказать. На войне те, кто был ранен в живот, сильно мучились. А я ни разу не был ранен. И это даже помешало моему повышению в чине…

АНТИГОНА. Какую смерть они выбрали для меня?

СТРАЖНИК. Не знаю. Мне кажется, как будто говорили, что Вас…

АНТИГОНА. Совсем одна…

СТРАЖНИК *(закладывая табак за щеку).* Тяжеленько там будет нести караул. Сначала собирались послать солдат. Но, по последним слухам, как будто поставят опять стражников. Они, мол, все вытерпят! Не удивительно, что некоторые стражники завидуют сержантам-кадровикам…

АНТИГОНА *(шепчет устало).* Два зверька…

СТРАЖНИК. Какие еще зверьки?

АНТИГОНА. Два зверька прижались бы друг к другу, чтобы согреться. А я совсем одна.

СТРАЖНИК. Если вам что нужно, дело другое. Я могу позвать.

АНТИГОНА. Нет. Мне хотелось бы только, чтобы после моей смерти ты передал письмо одному человеку.

СТРАЖНИК. Как так — письмо?

АНТИГОНА. Письмо, которое я напишу. Если ты согласишься, я дам тебе этот перстень.

СТРАЖНИК. Перстень.

АНТИГОНА. Золотой.

СТРАЖНИК. Золотой… Если меня обыщут, военного суда не миновать. Все равно! *(Осматривает перстень.)* Если хотите, я могу написать в своей записной книжке то, что вы мне продиктуете. Потом я вырву эту страничку. Если написано моим почерком — дело другое.

АНТИГОНА *(шепчет, закрыв глаза и невесело усмехаясь).* Твоим почерком… Хорошо. Бери перстень и пиши. Только скорей… Я боюсь, что мы не успеем… Пиши: «Мой любимый!»

СТРАЖНИК *(вынув записную книжку, мусолит огрызок карандаша).* Это вашему дружку?

АНТИГОНА. Любимый мой, я решила умереть, и ты, быть может, перестанешь меня любить…

СТРАЖНИК *(пишет, медленно повторяя своим грубым голосом).* «Любимый мой, я решила

умереть, и ты, быть может, перестанешь меня любить...»

АНТИГОНА. Креон был прав. Как это ужасно! Мне страшно... О Гемон, а наш маленький мальчик. Только теперь я понимаю, как это было просто — жить...

СТРАЖНИК *(перестает писать).* Послушайте, вы слишком торопитесь. Как же вы хотите, чтобы я успел все это записать? Ведь на это нужно время...

АНТИГОНА. На чем ты остановился?

СТРАЖНИК *(перечитывает).* Мне страшно...

АНТИГОНА. Я не знаю уже, за что я умираю.

СТРАЖНИК *(мусолит кончик карандаша и пишет).* «... Не знаю уже, за что я умираю...». Никогда не знаешь, за что приходится умирать.

АНТИГОНА *(продолжает).* Мне страшно... *(Останавливается, вдруг выпрямляется.)* Нет... Вычеркни все, что написал. Пусть лучше никто никогда не узнает. Это все равно, как если бы мой труп увидели обнаженным и прикасались к нему. Напиши только: «Прости!»

СТРАЖНИК. Значит, конец вычеркнуть и вместо него написать: «Прости!»

АНТИГОНА. Да... Прости! Я люблю тебя...

СТРАЖНИК. Это все?

АНТИГОНА. Да, все.

Уходят.
Появляется ЭВРИДИКА. Потом КРЕОН и ХОР.

ХОР. Понимание заключается не в том, чтобы разгадать тайну, но в том, чтобы ее принять, и насладиться жизнью, и жить с нею — жить ею самой, жить благодаря ей. Мне бы хотелось, чтобы мои слова свободно плыли, как плывет, не ведая маршрутов, сам мир, в своем петляющем движении попадая на совершенно непредсказуемые широты и долготы, оказываясь в незнаемых наперед условиях и климатических поясах, сталкиваясь с измерениями, которых никто не исчислит. Заранее признаю свою неспособность осуществить этот идеал. И меня это нисколько не удручает.

КРЕОН. В некоем высшем смысле сам мир заряжен неудачей, он представляет собой совершенный образ несовершенства, он есть осознание провала. Когда это понимаешь, провал перестает ощущаться.

ХОР. Ну, для Антигоны все кончено. Теперь наступила очередь Креона. Им всем суждено пройти этот путь. Вбегает ВЕСТНИК. «Царица! Где царица?» Зачем она тебе? Что ты хочешь ей

сообщить? «Ужасную весть, не успели Антигону бросить в пещеру, не успели еще привалить последние камни, как вдруг до Креона и всех, кто стоял рядом с ним, донеслись из могилы жалобные крики. Все умолкли и стали прислушиваться, потому что то не был голос Антигоны. Вновь жалобный крик донесся из глубины могилы… Все посмотрели на Креона, а он обо всем догадался первым, он уже все знал раньше других и закричал как безумный: „Прочь камни! Прочь!“ Рабы бросаются оттаскивать камни, а с ними царь, весь в поту, руки разодрал в кровь. Наконец камни сдвинуты, один из них, самый маленький, упал в могилу. А там они лежат в огромной луже крови, и он обнимает ее».

КРЕОН. Я велел положить их рядом. Их обмыли, и теперь они лежат, словно отдыхают, только чуть бледные, но лица их спокойны. Как новобрачные наутро после первой ночи… Для них все кончено.

ХОР. Но не для тебя. Тебе предстоит узнать еще кое-что. Эвридика, царица, твоя супруга…

КРЕОН. Добрая женщина, без конца говорит о своем саде, о своем варенье, о своем вязанье, об этих фуфайках для бедняков. Прямо удивительно, сколько беднякам требуется фуфаек! Можно по-

думать, что они ни в чем другом не нуждаются…

ХОР. Нынешней зимой фиванским беднякам будет холодно, Креон!

ЭВРИДИКА. Узнав о смерти сына, царица сначала довязала ряд, потом не спеша, как она делает все, и даже спокойнее обычного отложила спицы. После этого она прошла в свою комнату, благоухающую лавандой, с вышитыми салфеточками и плюшевыми подушечками, чтобы там перерезать себе горло, Креон. Сейчас она лежит на одной из ваших старомодных одинаковых кроватей, на том самом месте, где однажды вечером ты видел ее еще совсем молоденькой девушкой, — и с той же улыбкой, может быть, чуть-чуть более грустной. Если бы не большое кровавое пятно на подушке у шеи, можно было бы подумать, что она спит.

КРЕОН. И она тоже… Они все спят. Ну что ж. Тяжелый выдался день. *(Пауза. Глухо.)* Как хорошо, должно быть, уснуть.

ХОР. И теперь ты совсем один, Креон.

КРЕОН. Да, совсем один. *(Пауза. Кладет руку на плечо прислужника.)* Мальчик!

ХОР. Что, господин?

КРЕОН. Вот что я тебе скажу. Они этого не понимают. Когда перед тобой работа, нельзя сидеть

сложа руки. Они говорят, что это грязная работа, но если мы не сделаем ее, кто ж ее сделает?

ХОР. Не знаю, господин.

КРЕОН. Конечно, не знаешь. Тебе повезло! Никогда ничего не знать — вот что было бы лучше всего.

ХОР. О да, господин!

КРЕОН. Пять часов. Что у нас сегодня в пять?

ХОР. Совет, господин.

КРЕОН. Ну что ж, раз назначен совет, пойдем на совет.

КРЕОН выходит.

ХОР *(подходя к авансцене).* Вот и все. Теперь все кончено. Те, кто должны были умереть, умерли. И те, кто верили во что-то, и те, кто верили совсем в другое, и даже те, кто ни во что не верили и попали в эту историю, ничего в ней не понимая. Все одинаковые мертвецы — застывшие, бесполезные. А те, кто остались еще в живых, понемногу начнут забывать их и путать их имена. Все кончено. Антигона обрела покой, грустная тишина воцарилась в Фивах и в опустевшем дворце, где Креон станет ждать своей смерти.